

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков Брестского
государственного технического
университета*

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В современном литературоведении нет целостной концепции изучения традиций Древней Руси в творчестве писателей Серебряного века. Все исследования затрагивают лишь частные проблемы взаимодействия и взаимовлияния литератур. Многообразие литературных течений и направлений Серебряного века и неповторимая индивидуальность каждого из представителей направления дают возможность говорить о различных интерпретациях древнерусских памятников, их жанров, сюжетов, мотивов, форм, что позволяет более детально проследить ход диалогов двух контрастных культур.

Творчество Марины Цветаевой (1892–1941) давно стало неотъемлемой частью Серебряного века благодаря органическому чувству традиции в слиянии с собственными поэтическими открытиями, оказавшимися созвучными духу XX столетия. Внимание исследователей было направлено на античные и фольклорные традиции в лирике и драматургии поэта как способа освоения мифического пространства. Произведения устного народного творчества обогащали стихию цветаевской лирики особой ритмичностью, музыкальностью, языковым богатством, а подчас и оригинальными сюжетами. На первый взгляд, творчество М. Цветаевой с наследием Древней Руси не имеет ничего общего. Малоизученность традиций древнерусской литературы объясняется спецификой ряда стихотворений, в которых они проявляются. Большинство из них входит в сборник "Лебединый стан" (1917–1921) – самую неоднозначно оцениваемую книгу, создававшуюся в период революции и гражданской войны. "Лебединый стан" следует рассматривать как сюжетно организованное произведение, имеющее композицию и соотносящееся с таким памятником древнерусской литературы, как "Слово о полку Игореве".

События XX века и XII для М. Цветаевой имели много общего. После революции Россию охватила гражданская братоубийственная война. Междоусобная распря князей XII века также предполагала войну между жителями одной страны – Руси. Игорь потерпел поражение – Белая армия также была разбита. Объединяли и пространственные реалии: обе войны связаны одним роковым местом поражения – Доном. Кроме того, мотивы древнерусского произведения литературы были созвучны сугубо личным переживаниям женщины-поэта – переживанием за находящегося в рядах Добровольческой армии С. Эфрона, от которого не было известий. Если для раннего дореволюционного периода творчества характерна интимная лирика, в которой центральное место занимают темы дома и любви, а в творчестве периода эмиграции патриотическая лирика, то "Лебединый стан" совмещает в себе ту и другую на равных правах. Поэтому, следует рассматривать не отдельные стихотворения "Лебединого стана", где есть прямые или косвенные отсылки к "Слову", а весь сборник как аналог памятнику XII века.

В идейном плане со "Словом" лирику "Лебединого стана" объединяет озабоченность за свой век. Авторская позиция в памятнике древнерусской литературы и стихотворениях по его мотивам писателя Серебряного века строится на сходных принципах изображения действительности: патриотизма и личной сопричастности происходящему. Сюжет "Слова" практически идентичен летописному рассказу, но в отличие от летописца автор "Слова" не ставит задачей изложение фактов, т.е. воспроизведение всего похода Игоря, его судьбы. Он дает оценку, как эмоциональную, так и политическую.

"Слово" принадлежит к стилю монументального историзма, признаками которого является суждение обо всем с точки зрения человеческого существования, динамизм повествования, масштабность дистанций: пространственных, временных, иерархических. В "Лебедином стане" ощутимо стремление к возрождению стиля, но при наличии отдельных сходных черт отсутствует главное – его идеологическая сущность. Он должен был выражать сознание единства, призывать к нему. Достижению этой функции служили указанные выше признаки. У М. Цветаевой признаки, черты не подчиняются общей идее единства. Она замещается увековечиванием "славного", героического деяния как такового.

Место действия "Слова" – вся Русская земля, от Новгорода на Севере до Тьмутаракани на Юге, от Волги на Востоке до Угорских гор на западе. Место действия "Лебединого стана" – тоже Русская земля, от Москвы на Севере до Феодосии на юге, от Уральских гор на Востоке до Западной Европы (Вандея). У М. Цветаевой функционально значимой является послетекстовая информация (дата, место написания, комментарий), которая декодирует саму текстовую информацию. Образ Дона выделяется среди прочих пространственных деталей. В "Слове" он становится материальным вещественным выражением цели похода, вокруг которого концентрируется сюжетное действие. У М. Цветаевой образ Дона возникает в одноименном цикле практически в начале книги. В трех стихотворениях цикла нет прямой отсылки к памятнику древнерусской литературы, однако их объединяет героико-трагический пафос описания гибели сражающихся, их доблести, храбрости и высоких моральных качеств, главным из которых становится исполнение долга. Первое стихотворение ("24 марта 1918 – Благовещение – дни разгрома Дона –") заканчивается словами: "Молодость – Доблесть – Вандея – Дон" [2, с.132]. Второе (имеющее в переписанной в 1938 году тетради помету "NB! мои любимые") – "И в словаре задумчивые внуки / За словом: долг напишут слово: Дон" [2, с.132]. Третье связывает пространственные и временные реалии ("Ветру веков доверяем снести / Внукам – лихую весть..." [2, с.132]), подчеркивает неподвластность времени (Перекрестясь на последний храм, / Белогвардейская рать – векам"[2, с.132]).

Художественное время отличается динамичностью в обоих произведениях. Как и в "Слове" оно передается через имена участников исторических событий. У М. Цветаевой: "царевича младого Алексия" ("За Отрока – за Голубя – за Сына" [2, с.117]), "повеяло Бонопартом" ("И кто-то упав на карту..."[2, с.120]), Корнилов ("Корнилов" [2, с.129]), "Петр-Царь", "боярыня Морозова", "Гришка-Вор" ("Москве" [2, с.129]), "Стенька Разин" ("Царь и Бог..." [2, с.145]), "Бальмонт" ("Бальмонту" [2, с.252]), "Блок" ("Блоку "Как слабый луч сквозь черный морок адов..." [2, с.298]), "Ярославна", "Игорь" ("Плач Ярославны") (более 20 имен и фамилий), ср. "Слово": Ярослав, Всеслав Полоцкий, Олег Гориславич, Святослав Киевский, Владимир (более 30 имен).

Вообще, у М. Цветаевой было свое отношение со временем, как с тем, в которое ее забросила судьба, так и Временем вообще – "ибо мимо родились / по Времени..." [2, с.194]. "Есть поэты Времени: их творчество организовано горизонтально и служит выражению континуальности – длительности бытия. Их время безгранично, их пространство свернуто в "здесь". Цветаева – поэт Пространства, вертикали взлета и падения. Ее пространство безгранично, ее время свернуто в "сейчас". Эту спрессованность цветаевского времени, можно вывести в следующую формулу "жизнь=один день: один день=целая жизнь". Именно на этой головокружительной скорости проживания всего сущего и не составляет труда перемещаться в историческом и художественном пространстве. У автора "Слова" способ был иной, но результат оказался одинаковым – летописание.

М. Цветаева берет на себя труд летописца: "Белый поход ты нашел своего летописца" [2, с.346]. В этой позиции она отождествляет себя с неизвестным автором "Слова", также зафиксировавшим современные ему события, выполняя соответственно своему восприятию мира все его функции:

Буду выпрашивать воды широкого Дона,
Буду выпрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет. [2, с.345]

В данном стихотворении, датированном ноябрем 1920 года, содержится реминисценция к "Слову о полке Игореве": "Я журавлем полечу по казачьим станицам..." [2, с.345](ср. "Слово": "Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеви..." [1, с.195]). Только времена изменились. М. Цветаева отказывается от гендерных предписаний и на первое место ставит поэта, а не женщину. В ситуации всеобщего беспамятства важнее сохранить память, чем лить слезы, это закрепляется в языке посредством замены птицы женского рода на мужской род.

В "Плаче Ярославны" расстановка социальных ролей изменяется, максимально приближаясь к "Слову". Зачин вводит читателя в жанровые особенности фольклорного плача через композиционную организованность, повторяемость отдельных элементов. Далее в стихотворении М. Цветаева использует уточняющую деталь – место плача – "с башенной выщечки", отсылающую непосредственно к "Слову", (ср. во втором стихотворении: "Долетай до городской до стенки, / С коей по миру несется плач надгробный"[2, с.94145]). Эпитеты подчеркивают вневременную природу этого плача: "стародавний", "непрерывный", "неизбывный". Плач Ярославны в интерпретации М. Цветаевой имеет и другую особенность, существенно отличающую его от оригинального. Ярославна, обращаясь к природным стихиям, причитает только о своем князе и о себе. Этого достаточно для того, чтобы она стала символом женщины, жены любящей и ждущей. Вся первая часть стихотворения М. Цветаевой – тоже плач любящей жены о безвестно пропавшем, вероятность смерти которого велика. Поэтому столько раз повторяется как заклинание, как нескончаемый зов, имя:

Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!
Но в последнюю строку вносится существенное изменение:
Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!

Имя сражавшегося чередуется с именем той, за которую сражались. Древнерусская Ярославна, кроме князя никого не оплакивала. Современная оплакивает и мужа, и Родину. Для нее они неотделимы: уходит Русь – умирает князь.

Следующая часть представляет собой обвинение Бояна в непростительной лжи. Образ автора "Слова", так называемого "летописца", сливается в сознании поэта с образом Бояна, что противоречит повествованию древнерусского произведения.

Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел – обманул нас Баян лъстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец – плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон – вечный.

В лице Бояна М. Цветаева обвиняет всю древнерусскую литературу, где чудо спасения возможно через покаяние. Для нее чудо невозможно потому, что в "белом деле" его исполнители ничего не искали, а сражались "за хаты". Соответственно, если дело свято, то святы и они. По Цветаевой, им не в чем каяться, в отличие от Игоря. Их подвиг выше, они не нуждаются в каком либо наказании за искупление греха, потому что его нет. Тем не менее, белый поход не мог быть безгрешным и святым, так как это была, по сути, та же братоубийственная война, на которую не было дано благословение святейшего патриарха Тихона. Но трагедия остается трагедией: очередной трагедией русской женщины, трагедией народа России, личной трагедией поэтессы Марины Цветаевой.

"Слово о полку Игореве" заканчивается оптимистически – князь Игорь возвращается из плена. Для Цветаевой с ее мировосприятием такой исход маловероятен.

Белое тело его – ворон клевал.

Белое дело его – ветер сказал.

Образ ветра также становится аллюзией к "Слову", что подтверждается использованием в качестве синонима древнерусской лексемы "ветрило". Но функция его видоизменяется согласно современной поэтессе действительности. Если в памятнике это сила природы враждебная князю, но которую можно умилоствить, то у М. Цветаевой – очевидец и вестник произошедшего:

Ветер, ветер!

– Княгиня, весть!

Князь твой мертвый лежит –

За честь!

Ошибочно считать, что М. Цветаева подражает "Слову", пытается его перевести. Ее строки идут из самой жизни, от реального факта, от прочувствованного. М. Цветаева не заимствует, а проживает заново ту трагедию, которую проживала Ярославна. Оказалось, что их судьбы очень похожи. Также похожи, как судьбы Игоря и С. Эфрона. М. Цветаева и раньше мифологизировала его как воина и рыцаря:

Знамя, шитое крестами, в саван выцвело.

А и будет ваша память – белы-рыцари.

И никто из вас, сынки! – не воротится.

А ведет ваши полки – Богородица!

Всю лирику Марины Цветаевой пронизывает мотив судьбы. Трагедийность судеб Ярославны и Игоря переплетение в их характерах христианских и языческих начал были сродни античной классике. Поэтому тема смерти в "Слове" и у Цветаевой раскрывается одинаково: как проблема космическая, но через реальные образы. В "Слове о полку Игореве" смерть – жатва, у М. Цветаевой – выбитая из рук "здравная чара":

– Кто мне здравную чару

Из рук – выбил?

Стихотворение "С Новым Годом, Лебединый стан!", следующее за "Плачем Ярославны" служит логическим завершением всей книги "Лебединый стан". В нем последний раз появляются герои древнерусского произведения. Однако здесь их образы достигают максимальной степени общения. В лице Игоря видится все белое воинство (не случайно Игорь в переводе со скандинавского означает "воинственный"), а Ярославна олицетворяет Русь:

Приклонись к земле – и вся земля

Песнею здравной.

Это, Игорь, – Русь через моря

Плачет Ярославной.

Судьбы древнерусского произведения и "Лебединого стана" оказались в какой-то мере схожими. Как и "Слово" было обнаружено достаточно поздно, причем в единственном списке XVI века, так и книга М. Цветаевой не имела прижизненного издания ни в эмиграции, ни тем более в СССР.

М. Цветаева на основе сюжета памятника древней русской литературы создает новую сюжетную ситуацию, поэтически воскрешая память о Древней Руси, в то же время, максимально приближая ее к реалиям XX века. Жанровые характеристики памятника при этом становятся малозначительными и потому теряются. Центральное место приобретает идейное наполнение: патриотические мотивы переплетаются с субъективными переживаниями, что отражается на поэтике. В стихотворениях прослеживается стремление синтеза различных видов древнерусского искусства и фольклорных традиций. Таким образом, М. Цветаева, обращаясь к наследию литературы Древней Руси, смогла усилить

звучание собственных произведений, передать трагизм и героизм современного ей переломного момента русской истории.

Литература:

1. Памятники литературы Древней Руси XIV – середины XV в. (Выпуск 4). – М.: Худ. лит., 1981. – 606 с.
2. Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе /М.И. Цветаева. – М.: "Изд-во. Альфа- Книга", 2008. – 1214 с.

Анотація

Т. РАХУБА. ТРАДИЦІЇ ДАВНЬОРУСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ У ТВОРЧОСТІ МАРИНИ ЦВЕТАЄВОЇ

У статті простежуються традиції літератури Давньої Русі у цвєтаєвській ліриці. Відзначається, що на основі пам'ятника "Слово о полку Ігоревім" М. Цвєтаєва створює у своїй поезії нову сюжетну ситуацію. Вона поетично воскрешає пам'ять про Давню Русь, у той же час максимально наближаючи її до реалій ХХ століття, передає трагизм і героїзм сучасного їй переломного моменту російської історії.

Ключові слова: цвєтаєвська лірика, Давня Русь, сюжет, стиль, жанрові особливості, мотиви.

Аннотация

Т. РАХУБА. ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье прослеживаются традиции литературы Древней Руси в цвєтаевской лирике. Отмечается, что М. Цвєтаева на основе памятника "Слово о полку Игореве" создает новую сюжетную ситуацию, поэтически воскрешая в своих стихах память о Древней Руси, в то же время максимально приближая ее к реалиям ХХ века, передает трагизм и героизм современного ей переломного момента русской истории.

Ключевые слова: цвєтаевская лирика, Древняя Русь, сюжет, стиль, жанровые особенности, мотивы.

Summary

T. RAKHUBA. TRADITIONS OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE IN MARINA TSVETAEVA'S CREATIVE WORK

The article reveals the traditions of Ancient Rus' in Tsvetaeva's lyric poetry. It is pointed out that M. Tsvetaeva, on the basis of the literary monument "The Song of Igor's Campaign", creates in her poems a new situation with a plot, poetically reviving the memory of Ancient Rus', at the same time bringing her closer at most to the realia of the XX-th century, conveys tragedy and heroism of the turning point in Russian history with which she was contemporary.

Key words: Tsvetaeva's lyric poetry, Ancient Rus', plot, style, genre peculiarities, motives.